TO FISH SOME BODY.

Когда ты не догадывалась, что у времени есть цвет, оно несло тебя сквозь новостройки в сумерках, искрящихся в троллейбусных проводах; не было шагов за спиной и наблюдателей в окнах, когда шли трамваи и ты думала, что все так и будет, и ты встретишь ее - в троллейбусе или в подъезде, она помашет тебе рукой, подойдет и уведет тебя с собой в пустую комнату, где ты будешь играть на расстроенном пианино; когда на окне цвела герань и вся комната наполнялась ее запахом; и звуки, катящиеся по двору над тающим снегом, и жестяные автомобили, едущие по сверкающему шипящему асфальту в таинственную землю, где будет настоящий дом.

Зимой время сжимается, а дома растут, появляются годичные слои штукатурки и краски; вечером из твоего окна видно соседскую кухню; сосед, зажигающий газ и ставящий огромный сияющий чайник на огонь; потом стекла запотевали, и ты видела только желтую лампочку в ореоле осевших капель; это было зимой, когда белый дым из трубы на набережной поднимался до неба и делил его на две части: одну, оранжевую, справа, и другую, зеленую, слева; сейчас же дым стелется по крышам и лежит на воде, цепляется за льдины, плывущие в море; сейчас тихо, влажно, безветренно. Ты наблюдаешь за дворником, метущим под окном, слышно, как он гонит метлой воду в люк, как вода падает; как гулко отражаются шаги человека в пальто, выходящего из под арки; он сворачивает за угол, но звук еще долго реверберирует между стенами.

Пять часов утра. Уже светло.

Он приехал осенью, когда уже опали все листья, ты видела, как он вышел из трамвая и прошел через двор, листья лежали черные; ты услышала, как крикнула ворона и как начали бить в колокол на башне; было шесть вечера, зажигались фонари, звук колокола катился до другого берега и возвращался как раз тогда, когда били в следующий раз; сейчас ты слышишь, как льдины ломаются об опоры моста; ты закрываешь форточку; голуби спят под крышей дома напротив.

Вечером того же дня идешь по Большому проспекту P.S., сквозь поток цветного времени; троллейбусы и жестяные автомобили; отражения в витринах и лужах; ты ориентируешься по запахам - не найти дороги среди отблесков и оранжевых фонарей; чувство P.S. ,когда можешь найти любой дом, любую улицу, даже не слыша запахов; ты идешь в тающем времени, оно падает с крыш сверкающими каплями; как звонит колокол - и тени на стене, обгоняющие; ты растворяешься, как сахар, и жестяные автомобили едут уже сквозь тебя - они едут домой.

В центре почти никогда не чувствуешь ветра; когда ты слышишь запах моря, ты открываешь глаза. По мосту едет трамвай; искры падают на мокрый асфальт и с шипением гаснут; облака совсем низко - зимние, они пахнут апельсинами; вечерние рыбы плывут с окраин, глотают облака и фонари; видишь свое отражение в медном глазу; рыба ныряет в облако, и ты остаешься одна.

Под мостом еще лед, поэтому от костра светло, и темнота над открытой водой сгущается; не видишь лица человека, сидящего рядом с тобой, только глаза блестят; он курит; фонари на мосту

уже касаются неба; с моста падают капли, и отражение разбивается на круги; слышишь плеск весел и голоса в темноте. Лодка причаливает к льдине, человек бросает сигарету в воду, встает <его шаги по льду> ; рыбак протягивает ему руку, человек шагает в лодку <вода шипит у берега; уже не видишь фонарей>, садится. Прежде, чем исчезнуть в темноте, он оборачивается и машет тебе. Ты поднимаешь руку, и он исчезает.

Путешествие с током крови; через сердце, в темноте, где только вибрации твоего голоса, путешествие внутрь твоего глаза осенью, когда темнота становится красной, потом я вижу падающие листья, птиц на дереве; ты прикрываешь глаза, я плаваю в свете, проникающем через твои ресницы.

Ты говоришь по телефону, но я слышу только вибрации твоего голоса; цветное время течет вокруг меня; я пытаюсь остаться на месте, зацепиться, но снова падаю в темноту твоего сердца.

Несколько лет назад ты жила в доме на холме; тогда время было прозрачным, и ты плавала в нем словно рыба, не замечая течений, ты попадала в холодные нисходящие потоки (вечером) и в теплые восходящие (утром), звуки, однажды произнесенные, никогда не возвращались, и ты всегда знала, куда идешь, только во сне не знала, кто ты такая и что должна делать; вечером стояла на балконе и смотрела, как уходящие поезда медленно исчезают в тумане и как с запада наползают тучи, из которых росли твои сны.

Потом наступила осень, твоя осень (всегда твоя) осень, и вечером в октябре в дверь позвонил молодой человек в пальто и шляпе и сказал, что дом сносят, и что ты переедешь в центр. Дерево, растущее каждый день из твоего вчера в твое завтра, стояло уже без листьев, ты попрощалась с ним и уехала в жестяном автомобиле, оставив в пустом доме запах апельсинов и вешалку в углу. Ты слышала, как остановилось его сердце, когда выключили электричество. Апельсиновое солнце лежало у тебя в кармане, ты струилась в прозрачном времени вниз, был вечер.

Они могли подменить пленку. Кажется, я еду домой, но вижу только огни сквозь замерзшее стекло троллейбуса, незнакомые огни; единственное, в чем я могу быть уверен - это холод, холод им не подделать; даже снежная крошка, падающая с потолка на лицо - это кусок их фильма о моей поездке домой; кондуктор смотрит из угла; мы одни в троллейбусе; на часах половина двенадцатого; троллейбус едет ровно, не останавливаясь; оранжевые фонари проносятся мимо.

Когда ты жила на P.S., у тебя из окна были видны троллейбусные провода, уходящие в небо; небо тогда еще было высоко, выше антенн на твоей крыше, искрящееся, дрожащее ветром; небо без рыб, небо бесцветного времени; когда ты говорила, на нем расплывались цветные пятна, колеблющаяся сфера радуги над твоей крышей; искали и нашли клад из гласных, на чердаке; когда ты открыла сундук, гласные рассыпались и ветер разнес их по пурпурному времени; были сумерки.

Туман поднимается, он заползает в двери троллейбуса, и когда выходишь, над туманом видна только твоя голова; ты стоишь на Большом проспекте P.S., видишь лодку, плывущую между домов, рыбаков, вытягивающих сеть; ты знаешь, что те, кого они вытащат, завтра уже не проснутся, задохнувшись без времени, без цвета, без голоса.

Он приехал осенью, когда уже опали все листья, лежали, черные, на холодной холодной холодной земле, ты слышала, как они шуршали под метлой дворника; шел дождь. Мне снилось сквозь разноцветное время; сны деревьев; без образов, сверкающие; собака, уснувшая под дождем, человек на скамейке; его руки, его тросточка, его глаза за темными очками слепой слепой , и вода стекает со шляпы, и только звуки; собака скулит во сне; машина останавливается, человек выходит, и хлопает дверца; уезжающая машина, дождь, стук ботинок по асфальту; человек подходит к скамейке и садится рядом; от него пахнет апельсинами; он закуривает и откидывается на спинку; дождь стучит по его шляпе; он растворяется в оранжевом вечере;
ты видишь из окна скамейку, слепого, его собаку, спящую под дождем и облако другого времени, где только что был человек.

Он вышел из трамвая и прошел через двор; фонари уже горели; был дождь, капли сползали по стеклу, сливались, стучали по карнизу; ты слышала, как воркуют голуби; он прошел через двор и свернул за угол; залаяла собака, трамвай отъехал от остановки; зазвонили колокола.

Ящерицы разбегаются из под ног, когда идешь по пр. Добролюбова вечером; солнце касается деревьев, и они искрятся во сне; ты встречаешь бродячий оркестр - трубы, барабаны, скрипки; белые клоуны улыбаются, почтальон - в центре круга - он разносит сны и газеты на послезавтра; твой сон, мой сон, слышишь колокольный звон, ночью, между темнотой и кожей, когда ты зажигаешь спичку, и лицо освещается, и дым ползет в форточку; ты подходишь к пианино и начинаешь играть еще одно утро, которого (никогда) не будет; если бы могла остановить деревья ; и плывущий лед уже серый, пористый; ветер из форточки пахнет апельсинами; когда поднимается солнце, ты спишь, я не слышу твоего дыхания; мертвая в моем времени, текущем под кожей, искрящемся. Или едешь в троллейбусе - кинотеатры, зрители; выбираешь маршрут, чтобы видеть истории, дома, рассыпавшиеся по вечеру; голоса, звучащие в сумерках и дождь; капли падают с потолка; внутри дождя слова раскрываются, цветут в шелесте; и ветер, и ты в троллейбусе, как в аквариуме; смотришь рыб, медленных, плывущих на запад.

Где начинается дождь, когда ты играешь, и на кладбище вечером у Ксении Оранжевой Странницы (я там); ты играешь дома, и я знаю, что ты играешь - идет дождь, и огромный оранжевый воздушный шар стоит на берегу - я улетаю - не могу взять тебя с собой; ангелы, ангелы, туман.

Небо переливается оранжевым, я вижу реку, кладбище, жестяные автомобили в тумане; ты закрываешь пианино и выходишь из комнаты; лечу в облаках, поднимаюсь выше; не потеряться, не потеряться в своей квартире, между цветами, аквариумами, фотографиями на стене; важно отрывать листок календаря каждый раз, когда просыпаешься; и ты одеваешься в коридоре и хочешь выйти и открываешь дверь и оказываешься в ванной и небо заползает к тебе в форточку и ты слышишь как звонит телефон и не можешь найти телефон; важно не провалиться между клавиш пианино и рядом с тобой проплывает рыба, припадает губами к стеклу и смотрит, смотрит, и звонит телефон, и когда оказываешься у аппарата, он выше твоего роста, и не можешь ответить.

Еще один город, кладбище, небо, желтое, рыбы, человек, смотрящий на мой шар (оранжевый), как я поднимаюсь и растворяюсь в небе (низком/белом), как меняется время, меняются надписи на домах; ты смотришь в окно, видишь мой шар

и думаешь, что солнце; сквозь слои облаков; и город, и черепаха под ним, плывущая по лиловому морю, троллейбусы, едущие по облакам к западу; где твоя Америка, если плывем на черепахе по лиловому морю сквозь облака цветного времени?

Сиреневым ветром в сумерках сквозь лабиринты новостроек, на окраины (у тебя из окна видел море),дует ветер; волны, и черепаха качается, и земля уходит из под ног, и я стою на коленях под вращающимся небом (кричит ворона), и я тоже кричу, и может быть, ты услышишь, где я , и придешь, и я не знаю, как отсюда выбраться, и не могу подняться, и когда чувствую прикосновение, и что-то тащит меня за руку, и небо покрывается блестящими сосульками, и я снова падаю на спину; подходит собака, оранжевая, с зелеными глазами, дышит мне в лицо, высунув фиолетовый язык, с которого падают сверкающие капли; садится, воет. Когда рассеивается дым, уже темно, лежу, раскинув руки, и небо лежит на ладонях, влажное, холодное; странники, расцвеченные, с колокольчиками, звенящие, возвращаются домой по дну моего глаза; через пустыню, заполненную туманом, вижу твое лицо, ты что-то говоришь, я не слышу, не слышу, и лицо снова исчезает в тумане; колокольчики оранжевого солнца, и я вижу тебя (мы идем по ул. Беринга (вечером)) только на несколько секунд, ты снова теряешься в тумане до утра, и я спрашиваю, что было ночью, и ты говоришь, когда курила в форточку, кричала ворона, и я испугалась.

Вечером же: в комнате расстроенного пианино слова, написанные на твоем теле; ты спишь, читаю, пока не стемнеет, потом включаю лампу, и комната наполняется светом, лимонным, пахучим, щиплющим глаза, и зачем буквы твоей коже; ты просыпаешься и идешь принять душ; после - букв уже не будет, только ты, светящаяся, в комнате расстроенного пианино и я (ангел?) под потолком; голос и ничего больше.

Расстроенное пианино, и ты играешь вечер, и только когда играешь, вижу твое лицо: проволочки, пуговицы вместо глаз, фантики и пустые пачки от сигарет, спрашиваю, с тобой все в порядке, и вижу, как вращается перфолента, когда говоришь, пахнет яблоками - что-то разладилось - ты продолжаешь играть - пианино тает, становится хрупким, и ломаются клавиши, пианино падает, из него высыпаются стеклянные шарики, рассыпаются по полу - ты падаешь - и я уже не могу отличить, что было тобой, а что - пианино в куче мусора на полу; лежу в ней лицом в лимонном свете лампочки в пустой комнате на седьмом этаже.

<ГДЕ БЫЛ АНГЕЛ?>